

Андрей Дашков

Месть инвалида

Часть сборника
Мечты сбываются (сборник)

Андрей Дашков
Месть инвалида

«Автор»

2001

Дашков А. Г.

Месть инвалида / А. Г. Дашков — «Автор», 2001

ISBN 978-5-457-10378-8

«Приготовившись умереть, сержант пытался найти причину – хотя бы одну-единственную причину! – по которой ему не следовало этого делать. Теперь, когда два зверя – ярость и сожаление – перестали пожирать его изнутри, а до небытия оставались считанные минуты, почему бы не сыграть с самим собой в эту игру, столь же дурацкую, как вся его жизнь?..»

ISBN 978-5-457-10378-8

© Дашков А. Г., 2001

© Автор, 2001

Андрей Дашков

Месть инвалида

Приготовившись умереть, сержант пытался найти причину – хотя бы одну-единственную причину! – по которой ему не следовало этого делать. Теперь, когда два зверя – ярость и сожаление – перестали пожирать его изнутри, а до небытия оставались считанные минуты, почему бы не сыграть с самим собой в эту игру, столь же дурацкую, как вся его жизнь?

Водка закончилась. Последний глоток он сделал больше суток назад; про еду вообще не вспоминал. Впервые за много месяцев в мозгу воцарилась относительная ясность, отступили призраки прошлого, давно обглодавшие сердце и, как казалось сержанту, принявшиеся за побитую циррозом печень. Слова «душа» не было в его лексиконе. Это выдумки для сопляков, не умеющих ни жить, ни умирать без ложной надежды. Сержант умел. Его последняя игра с самим собой вовсе не означала, что он цеплялся за свое ублюдочное существование. Он просто хотел подвергнуть это проклятое существование холодному анализу, чтобы иметь полное право произнести перед смертью только одну фразу: «Все – дерьмо».

Итак, холодный анализ. Холодный, трезвый и беспощадный, как лезвие штыка, вонзающееся в кишки зимней ночью. Сержант мог бы рассказать о том, что чувствуешь, когда заиндевевшая сталь испарывает твою плоть. И – что гораздо хуже – когда ты сам убиваешь. Но кому и зачем рассказывать об этом? Он был абсолютно одинок – израненная покалеченная птица, выброшенная из галдящей стаи злобного воронья. Он одинаково презирал и эту стаю, и самого себя. Себя – за глупость, за то, что был одурачен, использован и списан на помойку, будто оттраханная шлюха. А стаю он презирал за все остальное.

Но, может быть, еще не поздно? Может быть, он сумеет отомстить? Нет, нечего тешить себя гнилыми иллюзиями. Что он вообще может – инвалид, неполноценный, жалкий обрубок, недочеловек?!

Снова нахлынула ярость. Багровая слепящая волна. Сержант стучал единственной рукой по колесу инвалидного кресла – до тех пор, пока каждый удар не стал отдаваться резкой болью в кости. Боль отрезвила его. Ненадолго.

Да, что-то не получается подчинить нервы рассудку. Бешеная собака – вот кто он. А бешеных собак пристреливают. Рука потянулась к пистолету... Может, боль – то, ради чего стоит держаться? Плюнуть в морду судьбе? Но боль была мелочью, которой сержант давно не замечал и даже свyksя с нею. Взять, например, это смехотворное покалывание в ушибленной руке. Разве оно сравнится с тем сводящим с ума зудом, которым напоминали о себе оторванные и отрезанные конечности? Иногда ночью ему казалось, что у него снова есть ноги и вторая рука – их пришили изверги-хирурги, обитавшие в его снах. А сейчас он с куда большим удовольствием ударил бы себя по роже, разбил бы ее до крови, выкрошил оставшиеся зубы... Но это и так сделает за него девятимиллиметровая пуля. Прекрасно сделает. А заодно уничтожит самую ужасную и уродливую его часть, похожую на застывшее змеиное кубло. Мозг! Его палач, отдыхающий всего несколько часов в сутки. Место, где гнездятся призраки убитых. И пуля наконец заставит их заткнуться...

По сравнению с пыткой воспоминаниями физическая боль и голод были пустячными комариными укусами. Если бы боль вдруг исчезла, сержант обнаружил бы, что ему чего-то не хватает. Она стала его неотъемлемой тенью и была необходима, как воздух. Больше воздуха – ведь воздух он вдыхал раз в несколько секунд, а боль тлела в его искромсанном и сильно усеченном теле постоянно. И даже регулярные ночные кошмары не освобождали от нее: она оставалась несмываемым фоном, самой тьмой, которую терзали и испарывали яркие вспышки – то ли выстрелы, то ли мысли, то ли беззвучные стенания, то ли разинутые рты невинных жертв...

Как можно было оказаться таким глупцом и попасться на удочку вербовщика? Этот вопрос сержант сегодня задавал себе, наверное, в сотый раз. И чтобы не было сто первого, он поднес к голове начищенный и заряженный именной пистолет и заглянул в черное дуло ствола.

«Скажи «чи-и-из», ублюдок! – приказал он себе. – Сейчас вылетит птичка».

Его большой палец лег на спуск. Рука была тверда, как всегда, когда он готовился убить. Даже несмотря на то что он давно ничего не ел. В решающую минуту оставшиеся силы достигли разрушительной концентрации. В груди и в черепе пылали раскаленные добела спирали – недолгая иллюминация перед погружением в вечную темноту. Какой там, на хер, «холодный» анализ!

В этот момент кто-то позвонил в дверь его тесной грязной конуры.

Сержант смачно выругался. Казнь придется отложить. Хотел ли он, чтобы его нашли сразу? Конечно, нет. Ему должно быть безразлично, но он не хотел. После его смерти эти дешевки вдруг вспомнят о нем, сделают из него клоуна, дерьмового героя в липовом шоу, устроят ему красивые похороны за государственный счет с отданием воинских почестей; может быть, даже провезут его на пушечном лафете, а десяток аккуратных и прилизанных штабных крыс будут нести на подушечках его награды. И потом какой-нибудь старый мерзавец (вероятно, его бывший полковник) торжественно испражнится над гробом – это будет понос из высоких, красивых и гордых слов о верности, родине, долге и мужестве, от которых живым ветеранам захочется блевать, а парни, лежащие под крестами, звездами и табличками без имен, перевернутся в своих тесных могилах...

Да, пожалуй, именно бывший командир удостоит его подобной чести. Сержант уже видел по телевизору, как это случилось с другими. Он не хотел тоже стать пищей стервятников, носящих погоны. Тем более он не хотел дать полковнику шанс распорядиться своим трупом... Как слышал сержант от кого-то из уцелевших в мясорубке той войны, ненавистный ублюдок благоденствовал в недрах министерства обороны и руководил какой-то сверхсекретной военной программой...

Полковник, конечно, не упустит случая принять участие в похоронах «заслуженного ветерана», «соратника», «боевого товарища, закаленного в огне и крови», «настоящего парня, который однажды спас мне жизнь». Такая перспектива сержанта категорически не устраивала. Он живо представил себе тошнотворный спектакль и отказался от намерения тотчас же украсить своими мозгами старые ободранные обои. Сначала надо было выпроводить непрошеного гостя.

Насчет соседей сержант не беспокоился. Все они разъехались две недели назад, избавив его от своих истеричных воплей и детского плача. Дом предназначался под снос; инвалид остался его единственным обитателем, если забыть о мышах и тараканах. Значит, только сержант и его отлично смазанный стальной двенадцатизарядный дружок, который никогда не предавал, – исключительный случай! Оба были готовы к короткому мужскому разговору, пока не вмешался третий. И сержант знал, за кем будет последнее слово.

Никаких двуногих сволочей, ни малейших признаков противника в радиусе двухсот метров, а может, и больше. Выстрела никто не услышит.

Как и следовало ожидать, после отъезда соседей ни одна собака о нем не вспомнила. Всем было насрать на него. Он с удовольствием ответил бы им тем же, но не мог сделать этого физически. Он был прикован к тяжелому инвалидному креслу с приводом от аккумулятора. Его электрический стул на колесах... Сержант и мочился-то с огромным трудом, рыдая от унижения и неудобства, мочился под себя, в специальную емкость для сбора экскрементов, укрепленную под сиденьем. Он вставлял то, что осталось от его обрубленного осколком члена в пластмассовую трубку и позволял жидкости течь. Иногда получалось не очень удачно, обрубок выскакивал, и моча разливалась. После этого к крепкому застарелому запаху

пота и дешевого табака примешивалась едкая вонь, державшаяся несколько дней. Стирать? Много ли стираешь одной рукой? А ведь было еще дерьмо, которое изредка выдавливал из себя его атрофирующийся организм...

Все это промелькнуло в сознании сержанта как многократно воспроизводимая серия смертельно надоевшего сериала. Казалось, из ушей валит черный дым и нестерпимые мысли загаживают потолок копотью и шлаком. Он не хотел даже завести собаку, чтобы не видеть страданий ни в чем не повинного животного. А вернее, чтобы однажды не проснуться от того, что собачьи клыки вонзятся в глотку. Да, пожалуй, он был способен превратить в ад жизнь любого существа, по глупости оказавшегося чересчур близко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.